

Предисловие редактора-составителя

Великого ученого Андрея Николаевича Колмогорова, одного из крупнейших математиков мира за всю историю этой науки, отличали необычайные широта интересов и глубина мысли. Как человек, обладающий обширными знаниями в разных областях и чувственным восприятием произведений искусства, он щедро делился своим личным опытом с друзьями, учениками, студентами, школьниками.

Колмогоров был Просветителем. Он читал популярные лекции о математике и решаемых при ее посредстве прикладных задачах, устраивал музыкальные вечера в домашней обстановке и в гостиных университета, в путешествиях с удовольствием показывал спутникам архитектурные примечательности, многие из которых знал в подробностях. Колмогоров с увлечением рассказывал о движении материков, с удовлетворением отмечал ритмические особенности в любимых стихах Тютчева или Есенина, мог составлять вечерами фазовые диаграммы солнечных пятен и полярных сияний, в солнечный морозный день на лыжне приходил в восторженное, как он говорил, «шумановское», настроение. В зрелые годы в сферу его читательских интересов входила не только поэзия и художественная литература, но также труды по логике, философии и эстетике.

Колмогоров был Мыслителем. В дневниках Колмогорова отражены размышления о «способности суждения» по Канту, о существовании чисто формальной красоты и ее эстетической оценке, о возможностях непротиворечивого соединения явно не связанных закономерностей как истоках философии. У Колмогорова были свои интерпретации многих философских положений Платона и Аристотеля, Кантовской «способности суждения». Размышления, отражающие продуманную точку зрения, появляются постоянно, как бы между строк, заполненных математическими поисками и выкладками. Главным делом оставалась математика, но философская направленность была свойственна Колмогорову и в его математическом творчестве.

Грандиозны были планы на период после шестидесятилетия — написание трактата «К истории логического мышления», учебника логики, а затем «длинной, в нескольких книгах, „Истории форм человеческого мышления“, посвященной анализу форм мышления греческих математиков, философов и т. д.». Но закладывались все эти будущие интересы еще в отрочестве. Колмогоров вспоминает свои увлечения в 11—14 лет: «...разыскания по энциклопедии Брокгауза и Ефрона... увлечение стихами Соловьева и Гамсуна, первое увлечение наукой, биологией, при чтении „Жизни растений“ Тимирязева, тогда как более раннее увлечение арифметическими задачами не рассматривалось как увлечение „наукой“, а просто как род спорта, а еще увлечение историей...».

Интерес к истории, возникший еще в школе, привел Колмогорова, поступившего в 17 лет на физико-математический факультет в Московский университет, на занятия в семинаре известного историка С. В. Бахрушина на историческом факультете. Теперь трудно объяснить, почему для занятий в семинаре Колмогоров выбрал тему о новгородском землевладении. За два года учебы на физмате была написана содержательная историческая работа, источником которой были писцовые книги XV—XVI веков, и был сделан научный доклад. Позднее Колмогоров вспоминал: «В докладе этом, впрочем, использовались некоторые приемы математической теории... Вскоре, однако, увлечение математикой победило; на третьих-четвертых курсах я уже начал небольшие самостоятельные исследования в математике». Работа по истории была найдена в архивах уже после кончины Колмогорова и опубликована в 1994 году. Эта, фактически первая, научная работа Колмогорова публикуется в части I с вступительной статьей известного историка академика В. Л. Янина и обширным комментарием ученика Колмогорова Л. А. Бассалыго.

Военные годы (1943—1944) с поездками из Казани, где Колмогоров с Академией наук был в эвакуации, в Москву и обратно были очень продуктивными, и не только в отношении математики и ее приложений (в частности, к теории стрельбы), но и в отношении реализации своих увлечений: было написано первое сочинение по теории стихосложения, а в отзыве на работу биолога А. А. Малиновского об элементарном художественном образе Колмогоров «сформулировал впервые для себя самого отчетливо тезис о том, что задачей искусства является не просто возбуждение эмоций, а создание норм в эмоциональной области». Менее чем через 20 лет в конце 1950-х — начале 1960-х годов, в атмосфере возрастания роли кибернетики и семиотики в самых разных направлениях научных исследований, Колмогоров соединил свои давние идеи в стиховедении, лингвистике, теории искусств, философском осмыслении проблемы «жизни и мышления».

В настоящий сборник вошли работы, опубликованные в научно-популярных изданиях, тематических сборниках или вовсе не опубликованные, а также переписка с научными авторитетами и просто энтузиастами. В части II помещены статьи, отзывы, ответы на письма по филологии, лингвистике и те работы по стиховедению, которые не вошли в сборник «Труды по стиховедению» (М.: МЦНМО, 2015) и ранее не были опубликованы. В части III собраны тезисы некоторых публичных докладов и лекций, письма по проблемам кибернетики, семиотики и теории искусства. В отличие от предыдущих публикаций, семиотические заметки о природе искусства и эстетических оценках при его восприятии человеком очевидным образом составляют единое целое, с глубоким философски осмысленным контекстом. Все ранее не опубликованные статьи Колмогорова подготовлены по архивным материалам.

Комментарии к частям II и III написаны редактором-составителем. Они, как и ранее не публиковавшиеся статьи Колмогорова, основаны на оригинальных документах из архива А. Н. Колмогорова, его дневниках и переписке с П. С. Александровым.

А. В. Прохоров